

О финале романа Е.И. Замятина «Мы»: оптимистическая трагедия?

Хунюань ВАН

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

✉ cnhywang@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена неоднозначность финала романа Е.И. Замятина «Мы» на основе его синтетического характера и воплощённых в нём мировоззренческих идей автора. Отмечая ключевую функцию образа революционерки I-330 в структуре и тематике произведения, мы обратили внимание на другой женский образ О-90, чья судьба составляет кажущуюся «побочной», законченную ранее, но не менее важную сюжетную линию романа. Проанализированы на сюжетном уровне внутритекстовые связи О-90 с другими персонажами, выявлен ряд возможных внетекстовых ассоциаций данного образа с рассуждениями в критических статьях и эссе Замятина. Таким образом, в этом персонаже мы видим достаточно чёткий синтетический образ материнства и писательства, реализацию важного для замятинской творческой личности «спирального» пути диалектического развития и намёк на жизненность кажущейся проваленной революции. Сочетание этих свойств в одном образе заставляет нас переосмыслить сюжетное развитие романа и позволяет увидеть некий оптимистический оттенок в его трагической концовке, а симметричность судеб двух главных героинь и их решающее союзничество также доказывают важность проанализированного персонажа в композиции и тематике произведения.

Ключевые слова: Е.И. Замятин, синтетизм, визуальный код, феминизм, фокализация, ненадёжный рассказчик

Для цитирования: Ван Хунюань. О финале романа Е.И. Замятина «Мы»: оптимистическая трагедия? // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 684-693. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-684-693>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the finale of Y.I. Zamyatin's novel "We": an optimistic tragedy?

Hongyuan WANG

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

✉ cnhywang@yandex.ru

Abstract. We consider the ambiguity of Y.I. Zamyatin's novel ending "We" on the basis of its synthetic feature and the author's worldview ideas embodied in it. We note the key function of the heroine I-330 in the structure and novel theme, we draw attention to another female character, O-90, whose fate is a seemingly "secondary", completed earlier, but no less important storyline of the novel. We analyze O-90's intertextual connections with other characters, at the plot level; we also reveal some possible extratextual associations of this character with Zamyatin's statements in his critical articles and essays. Thus, in this character we see a fairly clear "integral image" of motherhood and writing, a realization of the "spiral" path of dialectical development, which is important for Zamyatin's writer identity, and a hint of the vitality of the seemingly failed revolution as well. The combination of these features in one character makes us rethink the plotline of the novel and allows us to see a certain optimistic implication in its tragic ending. The symmetry of the two heroines' fate and their decisive alliance also prove the importance of this character in the composition and the subject matter of the work.

Keywords: Y.I. Zamyatin, synthetism, visual code, feminism, focalization, fallible character

For citation: Wang Hongyuan. O finale romana E.I. Zamyatina «Мы»: optimisticheskaya tragediya? [On the finale of Y.I. Zamyatin's novel "We": an optimistic tragedy?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 684-693. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-684-693> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Синтетизм» – один из ключей к пониманию замятинского творчества. По выражению писателя, именно это слово он бы выбрал «для определения той точки, в которой движется сейчас литература» [1, т. 3, с. 139]. В качестве основного художественного принципа синтетизм «пользуется интегральным смещением планов» [1, т. 3, с. 169] и «открывает путь к совместному творчеству художника – и читателя или зрителя» [1, т. 3, с. 171].

Следует иметь в виду, что понятие синтеза в мировоззренческой и художественной системе Е.И. Замятина очень многомерно: синтезируются в современном ему искусстве фантастика и быт, синтезируются в характерной для него еретической философии вчерашний тезис и сегодняшний антитезис, синтезируются в неореалистической литературе реалистические основы и символист-

ские подходы и т. д. В общем, как заметила Н.З. Кольцова, для Замятина важен и типичен синтез «не просто различных, но противоположных, едва ли не взаимоисключающих начал» [2, с. 163].

Исследователи понимают данное понятие в достаточно широком смысле, уделяя внимание философским размышлениям и разным уровням поэтики художественного творчества. М.Ю. Любимова пишет о том, что замятинская теория «философского синтетизма» включает в себя «философское и эстетическое обоснование нового художественного течения «неореализма», оригинальную систему взаимодействия различных видов искусств, концепцию творческой личности, вопросы психологии творчества и вопросы восприятия читателем литературного произведения» [3, с. 244]. М.А. Хатямова видит в замятинском синтезе «неизбежный ре-

зультат диалектического развития жизни (гегелевская «оболочка» идеи синтеза) и диалогической природы культуры и её языка», а диалогичность осуществляется на трёх уровнях – это «диалог разных культурных языков в авторском языке для продуцирования новых смыслов», «сотворчество автора и реципиента» и «диалог разных искусств в языке прозы» [4, с. 39].

Объекты синтеза как устойчивого образа мышления писателя не могут быть исчерпаны перечислением, но мы можем рассматривать конкретные его проявления в самых разных аспектах. В данной статье основной упор делается на *идейно-философской стороне* понятия диалектического синтетизма, между тем важную роль играет вышеупомянутый синтетический принцип *сотворчества автора и читателя*. Материалом анализа является роман «Мы».

Этот роман, как справедливо отмечает М.Ю. Любимова, является «вершинным произведением Замятина и одним из наиболее значительных романов XX века» [3, с. 264]. В последние годы исследователи продолжают открывать в нём новые аспекты: изучают когнитивно-функциональный и коммуникативно-синтаксический аспекты произведения, используя роман как материал лингвистического анализа (см., напр.: [5–7]), и, в частности, рассматривают разные идейно-тематические оппозиции, такие как «аполлоновское – дионисийское», «правда – ложь», «личность – государство» (см.: [8–10]) и др.

Синтетическое значение романа «Мы» можно рассматривать с разных сторон. Он синтетичен, прежде всего, с точки зрения замятинского представления о художественной картине мира и сформулированной им «концепции творческой личности», которая, по мнению М.Ю. Любимовой, именно в этом романе воплощается «в наиболее завершённом виде» [3, с. 264]. Он не только в разных аспектах ведёт диалог с теоретическими, критическими и публицистическими работами писателя, но и является его самоопределением в современной ему литературе и культуре. Структура «текста в тексте» [11, с. 7], «романа о рождении романа» [12, с. 242] и совпадение времени создания романа (около 1920 г.) с периодом активной эстетической рефлексии автора также позволяют ис-

кать в романе метахудожественный смысл о творчестве и отражение определённых эстетических ценностей (см.: [11; 13]).

Другой аспект синтетичности романа касается его связи с *утопической традицией* в литературе. Строго говоря, в романе не односторонне критикуется единичный тип утопического общества, а представлено сопоставление двух типичных утопических форм, отгороженных друг от друга Зелёной Стеной. Как указывает И.Н. Сухих, «Замятин не соединяет, а разводит утопические идеи «города» и «сада» (или «леса»)). Оппозиция рационального и иррационального, прямолинейной, стерильной, урбанистической цивилизации и живописно-беспорядочной живой природы определяет уже предметный мир его книги» [14, с. 93]. Подвергая сомнению бесчеловечность машинной цивилизации, Замятин и не однозначно одобряет лесную утопию, связанную с сатанинским началом Мефистофеля. Его вера в том, что превосходство любого общественного устройства относительно, а эволюция и революция неизбежны в истории.

Обсуждая еретический, диалектический синтетизм в романе и в творчестве Замятина в целом, особое внимание обращаем на женские образы, своим образом служащие воплощениями этой ключевой идеи. Дихотомии в рамках традиционных христианских ценностей «святого – грешного» и «Мадонны и блудницы» сочетаются во многих женских персонажах Замятина (например, в раннем рассказе «Чрево» и в рассказе «О святом грехе Зеницы-девы» из цикла «Чудеса»). Именно взаимно полярные противоположности образуют своего рода синтез, задающий вопрос о давно устоявшихся ценностях патриархального порядка.

Среди женских образов с конкретными нумерациями (I-330, O-90, Ю) ключевую функцию в структуре и тематике произведения выполняет I-330. Её высказывания о бесконечных революциях, о детях как «естественно смелых философах» [1, т. 2, с. 328], об оппозиции энергии и энтропии и т. д. по большому счёту найдут совпадение в публицистических работах Замятина. К тому же, с точки зрения Т.Т. Давыдовой, «её беседы с Д-503, как и диалог Благодетеля с ним, яв-

ляются ведущим жанрообразующим средством философского романа» [15, с. 391].

Учитывая эту позицию, финал романа можно рассматривать как *трагедию*: пробудившийся на время главный герой Д-503, снова потерявший душу, возвращается к «машинному» состоянию, а революционерка I-330 становится жертвой провала бунта.

Тем не менее, в этом безнадёжном художественном мире всё же остаётся некий утешительный «зазор». Согласно принципу «совместной творческой работы автора и читателя», по объяснению Замятина, автор может намеренно пропускать главные мысли, давая специально выбранные «побочные мысли», которые «путём ассоциаций» заставляют читателя «восполнить пропущенную центральную мысль» [1, т. 5, с. 352]. Как вечный еретик Замятин верил в семена революции, которые позволили бы продолжать диалектический путь и создавать новые синтезы. На этой же основе мы предполагаем, что роман завершается не однозначно тупиковой трагедией.

На наш взгляд, особенно важную роль в этом отношении играет женский номер О-90, которая в центральной сюжетной линии оказывается менее значимой, чем вышеупомянутые «Адам» и «Ева», и очень часто «игнорировалась» или упоминалась только вскользь.

В настоящей статье, прежде всего, будем показывать, как О-90, наряду с Д-503, страдает «болезнью души», рассматривать богатые смысловые ассоциации вокруг визуального образа и характера этого персонажа, и на этой основе закончим обсуждение на значимом моменте объединения будущей матери и революционерки. Таким образом, анализируя внутритекстовые связи данного образа с другими персонажами и его внетекстовые ассоциации, мы можем предложить ещё одну интерпретацию о синтетическом мышлении Замятина, увидеть некий оптимистический оттенок в трагическом финале романа.

Итак, особенность персонажа О-90 прежде всего в том, что она, как и главный герой, «болеет душой». Сюжетная линия романа, несомненно, вращается вокруг «болезни» Д-503 с помощью его дневниковых записей. Строитель космического корабля, при-

выкший к математически-безошибочному образу мышления и говорящий как машина государственной пропаганды, под влиянием очаровательной и таинственной I-330 обретает неконтролируемую душу, испытывает множество эмоций, таких как эйфория, ревность, страх и т. д., которые не могут быть включены в его безошибочные логические формулы.

Если болезнь Д-503 представлена с внутренней точки зрения рассказчика, то образ О-90 даёт возможность с внешней точки зрения узнавать её «симптомы». По известному нам сюжету О-90 страдает от этой «болезни души» даже дольше, чем Д-503.

Симптомы её болезни отражены в оценках Д-503, которые чаще всего негативны. Например, когда I-330 первый раз с ним заговаривает, О-90 «радостно-розово» напоминает: «Он записан на меня». Для Д-503 это совершенно лишние слова, а причина их произнесения состоит в том, что у О-90 «неправильно рассчитана скорость языка» [1, т. 2, с. 216], мысль отстаёт от языка. Однако данная реакция О-90 может быть вполне мотивирована. В ней содержится и чувство исключительного превосходства перед другим женским номером, и демонстративное напоминание потенциальному конкуренту о своём присутствии.

Кроме того, О-90 выражает желание как можно скорее быть наедине с Д-503, а также специально, даже настойчиво достаёт и дарит ему веточку ландышей. Возможно, поскольку её поведение «человеческое, слишком человеческое», даже читатели забывают, что всё это *ненормально* в Едином Государстве. Она не такая наивная, и не такая простая, как кажется Д-503, который пока ещё не умеет представить, *что* находится между её языком и мыслью.

В общем, для Д-503 «недостаток» разума у О-90 проявляет лишь стереотипное «женское» свойство: «Вы, женские номера, кажется, неизлечимо изъедены предрассудками. Вы совершенно неспособны мыслить абстрактно. Извините меня – но это просто тупость» [1, т. 2, с. 235]. И не следует пропустить первое появление О-90 на его страницах записей: когда он наслаждается совершенством установленной им формулой, а она восхищается чудесной весной, Д-503 уже пре-

зрительным тоном выражает своё мнение: «Женщины... Я замолчал» [1, т. 2, с. 2].

Разумеется, что эти привычные суждения Д-503 о женщинах рождается на прочной патриархальной почве Единого Государства, где наблюдается отчуждение человека от натурального тела и иррационального чувства, а также доминирование мужских обитателей в публичном пространстве во главе с Благодетелем: почти все названные в записях служащие во влиятельных общественных сферах – Хранители, врачи, инженеры, а также поэт – являются мужчинами, а официальные должности женских нумеров, кроме контролёрши Ю, не упоминаются рассказчиком.

Ему становятся доступны ласковые эмоции и восхищение весенней природой, подобно его «недостаточно разумной» подруге, только тогда, когда у него тоже образуется душа, появляется любовь к другой личности. Иначе говоря, пока кажущаяся рассказчику ненормальность О-90, на самом деле, свидетельствует о долговременном сокрытии её «излишних» сентиментальных чувств. Подобные чувства испытывает и вышеупомянутая контролёрша Ю – пожилая женщина без указания цифр в нумерации, чья жаберная кожа на лице вызывает у Д-503 антипатию.

До появления I-330 государственные правила и розовые талоны фактически позволяют О-90 «узаконить» свою любовь, а когда Д-503 постепенно влюбляется в I-330, её затаённые переживания усиливаются почти до невыносимости, хотя её «простой круглый ум» [1, т. 2, с. 235] для него по-прежнему представляет порядок, простоту и утешение, как тот мнимый, кажущийся ему крепким «треугольник», состоящий из него самого, О-90 и поэта R-13, который потом в День Единогласия, к отчаянному удивлению рассказчика, тоже оказывается рядом с I-330, «плечом к плечу» [1, т. 2, с. 306].

Как мы можем узнать из её вполне откровенного письма к Д-503, она начинает беспокоиться, мучиться и решает отчётливо высказывать свою душевную боль. Приведём фрагмент данного письма: «И будто комната у меня – не четырёхугольная, а круглая, и без конца – кругом, кругом, и всё одно и то же, и нигде никаких дверей» [1, т. 2, с. 282]. Обратим внимание на то, что одна и та же *круглая форма*, которая в романе тесно связана с на-

именованием и физическими чертами О-90, напоминает Д-503 симметричную ясность, а для самой О-90 – это полная безвыходность, бесконечное мучение.

Однако О-90 не продолжает идти по этому безнадёжному кругу. Она обретает силу, которая превращает *круг* в *спираль*, а подавленные эмоции – в смелое действие. Роль восходящей силы для О-90 исполняет давнее желание родить ребёнка и стать матерью. Чувство материнства – центральная черта персонажа.

Стоит отметить, что связанные с О-90 и образ спирали, и понятие материнства очень важны для мировоззрения Замятина. Спиральный путь свойствен диалектическому развитию, а материнство тесно связано с писательством. Как пишет М.А. Хатямова, «темы рождения и творчества не просто пересекаются в художественном мире Замятина, они тождественны: творчество, укоренённое в культуре, есть рождение органического целого» [13, с. 517]. А в романе Д-503 также в первой записи проводит аналогию между ожиданием завершения творчества и состоянием беременной женщины.

Здесь нужно учесть и то, что вставка содержания письма О-90 в повествование временно завершает смену точку зрения, искренней речью от первого лица пополняя образ О-90, ранее представленный только через внешнее наблюдение главного героя. Этот фрагмент, вместе с другими рассыпанными по роману деталями, позволяет нам отнести её к типу персонажей, которых Э.М. Форстер определяет как «круглых», способных «удивлять убедительным образом» [16, р. 78]. Такая возможность самовыражения отсутствует для более периферийного женского образа, который приближается к форстерским «плоским персонажам» [16, р. 67], построенным вокруг одной идеи или качества. Здесь мы используем слово «приближаться», учитывая то, что, хотя образ Ю в большинстве случаев сопровождается монотонными, упрощёнными признаками, она также в напряжённый момент неожиданно падает на первый план повествования, претерпевая за очень короткое время драматическую смену роли с подозрительной доносчицы на растерянную поклонницу. Сюжетную функцию Ю можно объяснить соб-

ственным взглядом Замятина на значения эпизодического персонажа для «архитектурной стройности» произведения: «...искусный автор всегда сумеет сделать так, чтобы эпизодические лица оказались необходимыми в фабуле, в развитии сюжета» [1, т. 5, с. 329]. В распылчатом признании в симпатии Ю мы видим ещё одно подтверждение ослабления машинной идеологии Единого Государства, но в повествовании вес этого персонажа относительно менее велик.

Таким образом, у нас есть основания подчеркнуть, что в сюжете романа О-90 является не персонажем второго плана, а носителем достаточно важного смысла. Она, с естественным чувством материнства, гораздо ближе к «энергии», которая по слову I-330 сопровождается «разрушением равновесия» и «мучительно-бесконечным движением», чем к «энтропии», «счастливому равновесию» [1, т. 2, с. 322]. Она, в отличие от I-330, даже не смеет думать о революции, но бесосознательно следует материнскому инстинкту и по-своему вступает в невидимую, но настойчивую борьбу.

В этом отношении характерная для О-90 круглая форма во многом напоминает *ледокол*, которому Замятин посвящает статью, где обсуждается сила ледокола в его кажущейся нежной форме: «...Очертания его стального тела круглее, женственнее, чем у многих других кораблей. В поперечном разрезе ледокол похож на яйцо – и раздавить его так же невозможно, как яйцо рукой» [1, т. 4, с. 351].

Именно такая структура, которая по внешности кажется громоздкой и неагрессивной, разбивает лёд и открывает море, сильнее, по цвету ассоциирующееся с глазами О-90 – глазами круглыми, хрустальными, «не испорченными ни одним облачком» [1, т. 2, с. 217]. И точно так же как ледокол, О-90, которая выглядит кроткой и наивной как ребёнок, умеет хранить тайну души достаточно долго и глубоко, готова любой ценой родить ребёнка, несмотря на то, что она «преступная» мать.

Преступность в том, что по Материнской Норме Единого Государства О-90 на десять сантиметров ниже стандартного роста, поэтому официально не имеет права рожать детей. Но Замятиным выбран именно такой

«неудовлетворительный» образ как воплощение материнства, что уже имеет оттенок *мирного бунтарства*, а также подчёркивает «необходимость, закономерность» его осуществления.

Эта «необходимость» отражена в деталях романа. Не случайно после того, как О-90 на лекции вовремя подхватила ребёнка, который чуть не упал со стола, Д-503 чувствует себя «как при чтении какой-нибудь стройной формулы»: «Она, я и стол на эстраде – три точки, и через эти точки – прочерчены линии, проекции каких-то неминуемых, ещё невидимых событий» [1, т. 2, с. 285]. В той же записи отмечено, как О-90 появилась в комнате героя, попросила его оставить ей ребёнка, и как он выполнил её желание.

Мечта О-90 о материнстве, по словам И.О. Шайтанова, – «своеобразный бунт, бунт природы, подавляемой в самом человеке» [17, с. 344]. По поводу бунтарства мы полагаем, что в усиленной сети патриархальных ценностей ограничение репродуктивных прав женщин достаточно тесным образом перекликается с гендерной неравномерностью общественного голоса и влияния. Судя по фабульным фактам, и Д-503, и О-90 имеют право писать, но они изначально пишут по разным мотивам. Д-503 начинает писать для общественной пропаганды, а письмо О-90 имеет вполне интимный, приватный характер.

В этом отношении, с одной стороны, появление в записях Д-503 некоторых стилистических черт, стереотипно связанных с женским письмом, становится в романе признаком отклонения представителя патриархально-тоталитарного общества от нормы: пробуждение личного сознания приводит к тому, что так называемые «женственные» чувствительность и интимность постепенно ставят под угрозу его мужскую общественную опору.

С другой стороны, беременность становится узлом, объединяющим двух совершенно разных героинь, смелыми действиями выступающих против патриархального господства над матерями и детьми. Сюжетная основа для создания такого женского альянса состоит в том, что О-90 невозможно покинуть Единое Государство самостоятельно, важную роль играет здесь революционерка I-330.

Любопытно заметить, что образ I-330 косвенно присутствует уже в самом начале жизненного пути будущего ребёнка. Именно тот вечер, когда на столе лежит талон I-330 (она заранее попросила Д-503 опустить шторы и сделать вид, что она у него), свидетельствует, что О-90 забеременела. Мы предполагаем, что это не случайное совпадение, а *авторский намёк* на будущие отношения этих женщин. Благодаря новой жизни, зачатой в теле О-90, противостояние между героинями постепенно ослабевает и заменяется союзничеством, в этом же процессе мы наблюдаем особое взаимодополнение и симметрию в их судьбах.

Во-первых, эти две женщины не познакомились бы без Д-503, и они с разными характерами возбуждают у него разные стороны его *человеческих* эмоций: I-330 вызывает у него небывалую страсть и чувство личного подчинения, а О-90 – нежность и, по словам М.А. Хатямовой, чувство «отцовского долга» – «глубокую любовь-жалость и личную ответственность за О-90 и их будущего ребёнка» [13, с. 516].

Во-вторых, Зелёная Стена – граница между диким миром «Мефи» и упорядоченной жизнью нумеров – становится пространственной осью симметрии схем передвижения героинь: революционерка приходит через Стену и остаётся здесь навсегда, а противозаконная мать с её помощью уходит за Стену, ожидая новую жизнь.

Обратим внимание на запись 34-ую, где в последний раз упомянута О-90. I-330 сообщает Д-503 об её положении без указания конкретного имени перед захватом «Интеграла»: «...Вчера вечером пришла ко мне с твоей запиской... Я знаю – я всё знаю: молчи. Но ведь ребёнок – твой? И я её отправила – она уже там, за Стеною. Она будет жить...» [1, т. 2, с. 346].

Заметим, что I-330 совсем не давала Д-503 возможности объяснять или задавать вопросы. Процесс побега остался лишь общей для этих двух женщин памятью, а сам рассказчик Д-503, как и читатели, полностью лишён права на подробную информацию. С одной стороны, этот эпизод усиливает чувство женских союзнических отношений, а с другой стороны, сам он смутен по значению и заставляет читателя участвовать в «совме-

стной творческой работе» [1, т. 5, с. 351] с автором, дополнять и интерпретировать его по-своему. Мы даже не можем судить о правдивости слов I-330 о судьбе её «соперницы», так как возможны разные версии – от удачного побега за Стену до гибели О-90.

Данная оговорка сделана потому, что повествование ведётся от первого лица рассказчика в форме его дневниковых записей, а дневниковая форма, заполненная характерным для замаятинской прозы «мысленным языком» [1, т. 5, с. 349], является типичным примером повествования с фиксированной «внутренней фокализацией» (Ж. Женетт) [18, с. 205]. Такая форма, с одной стороны, подразумевает откровенность высказываний, что даёт возможность проникнуть во внутренний мир рассказчика, но с другой стороны, его записи об окружающих людях и событиях проявляют значительную субъективность и, вполне возможно, не обладают полной картиной. По выражению Уэйна Бута, такого персонажа можно определить как «ненадёжного рассказчика», ведущего ненадёжное повествование, в котором «конвенция об абсолютной надёжности была уничтожена» [19, р. 175].

Таким образом, ограниченное поле сознания рассказчика приводит к определённой недоговорённости повествования, и по этой причине можно (и нужно) упомянуть сомнение о правдивости записанных слов I-330. Ведь доступ Д-503 к этой информации, переданной ему другим персонажем, неизбежно ограничен. Однако, основываясь на философской и тематической значимости высказываний I-330, которые были кратко представлены в начале статьи, и на том, что она, подвергаясь жестоким пыткам, только молчит и не предаёт никого, мы склонны поверить в положительные намерения I-330 как революционерки и её искренность в помощи другой женщине и её будущему ребёнку.

Наконец, важно отметить смысл союзничества двух героинь с точки зрения феминистской литературной критики. Основываясь на обсуждении их «симметрии» выше, нетрудно обнаружить, что эти два персонажа очень хорошо вписываются в патриархальное представление о дихотомии женщин – «Мария – Ева» (см.: [20]), «лилия – роза», «дева – проститутка», или другие варианты с

нюансами в значении. Как обобщает Хэ Тан, «в произведениях писателей-мужчин женщины очень часто стереотипно разделяются на две крайние группы: одни – невинные, красивые, милые, невежественные и бескорыстные «ангелы», другие – сложные, эгоистичные, угрожающие и опасные «сирены» [21, с. 55]. Как говорилось в начале нашей статьи, подобное сочетание взаимоисключающих по традиционным ценностям черт – не редкость в творчестве Замятина, и союз О-90 и I-330 также подразумевает потрясение укрепленной дихотомии, или поиск нового «синтеза». Сотрудничество героинь продолжает обсуждение Замятиным в его творчестве вопросов о судьбах женщин, возвращая результаты объективации к их общему исходному пункту. А сила бунтарства, сопровождающая оба образа, напоминает нам о словах Т. Иглтона: «Женщина находится одновременно «внутри» и «за пределами» мужского общества, она является в равной степени его романтически идеализируемым членом и отверженной жертвой. Иногда она оказывается тем, что стоит между мужчиной и хаосом, а иногда сама воплощает этот хаос» [22, с. 226].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о значении образа О-90 для финальной части романа, несмотря на её отсутствие в последних шести записях. Кажущееся безнадёжным окончание может быть представлено с оптимистическим подтекстом, а ка-

жущаяся наивной, бессильной О-90 выступает в качестве представителя бесконечной революции, диалектического синтетизма и инстинктивного материнства, которое у Замятина ассоциируется с писательским творчеством. Она практически оказывает некое молчаливое сопротивление трагической тенденции главной сюжетной линии романа. Революционная сила, представленная казнённой I-330, временно подавлена, но изменения уже произошли, побег О-90 с ребёнком – один из плодов революции.

Кроме того, как признание личных эмоций О-90, так и её союзничество с I-330 можно рассматривать как смелые попытки освобождения женщин от патриархального давления и андроцентрических норм. Мы не можем сказать, что Замятин является писателем-феминистом или сознательно выходит за рамки мужского повествования, даже неизвестно, являются ли некоторые детали в романе, проявляющие женоненавистнические тенденции, намеренным или случайным излиянием его личного отношения к женщинам. Тем не менее, в отличие от более сильной тенденции андроцентризма во многих других антиутопических произведениях (см.: [23, р. 653]), в романе Замятина мы можем видеть, как презируемая и репрессуемая «энергия», глубоко укоренившаяся в женских образах, восстаёт против «энтропии» патриархально-тоталитарной власти.

Список литературы

1. Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, Республика, Дмитрий Сечин, 2003–2011.
2. Кольцова Н.З. «Синтетизм» Е. Замятина и синкретические тенденции в русской литературе первой трети XX в. // Вестник БГУ. 2016. № 2. С. 161-167.
3. Любимова М.Ю. Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 207-264.
4. Хатямова М.А. Концепция синтетизма Е.И. Замятина // Вестник ТГПУ. 2005. № 6. С. 38-45.
5. Робустова В.В. Когнитивно-функциональные особенности ономастического романа Е.И. Замятина «Мы» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 82-95.
6. Гредель В.П. Концепт «наука и искусство» в художественно-дискурсионном поле коммуникативно-синтаксической структуры романа Е.И. Замятина «Мы» // Неофилология. 2018. № 14. С. 44-53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53>
7. Ильенко С.Г., Гредель В.П. Коммуникативно-синтаксический аспект анализа романа Е.И. Замятина «Мы» в свете современных тенденций русистики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 186. С. 5-12.

8. Степанова А.А. Аполлоническое/дионисийское как фаустовская антиномия в романе Евгения Замятина «Мы» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 3. С. 181–191.
9. Андреева С.Л. «Прежде оружия – мы испытываем слово». Текстовые маркеры неограниченной лжи и ограниченной правды в государственной газете (по страницам романа Е. Замятина «Мы») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 57–65.
10. Долгина Е.С. Проблема формирования личности в рамках тоталитарного государства на примере антиутопического проекта «Мы» Е.И. Замятина // Дискуссия. 2016. № 10 (73). С. 116–122.
11. Хатямова М.А. Искусство как должное в романе Е. Замятина «Мы» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 8. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 7–26.
12. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 233–251.
13. Хатямова М.А. Метатекстовая структура романа Е. Замятина «Мы» // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 500–518.
14. Сухих И.Н. Утопия и вера вечного еретика (1920. «Мы» Е. Замятина) // Русский канон: Книги XX века. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 83–112.
15. Давыдова Т.Т. «Мы» Е. Замятина – роман-антиутопия // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 380–403.
16. Forster E.M. Aspects of the Novel. N. Y.: Harcourt, Inc., 1985. 176 p.
17. Шайтанов И.О. Анатомия утопии: роман «Мы» в творчестве и судьбе Е. Замятина // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 341–379.
18. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 471 с.
19. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. Second Edition. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1983. 572 p.
20. Tumanov V. Mary Versus Eve: Paternal Uncertainty and the Christian View of Women // Neophilologus. 2011. № 4. P. 507–521.
21. 唐荷. 女性主義文學理論. 臺北市: 揚智文化, 2003. 328頁. (Тан Х. Литературная теория феминизма. Тайбэй: Янчжи культура, 2003. 328 с.)
22. Иглтон Т. Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкиной; под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
23. Lanin B., McMillin A. Images of Women in Russian Anti-Utopian Literature // The Slavonic and East European Review. 1993. № 4. P. 646–655.

References

1. Zamyatin Y.I. *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., Republik Publ., Dmitriy Sechin Publ., 2003–2011. (In Russian).
2. Koltsova N.Z. «Sintetizm» E. Zamyatina i sinkreticheskiye tendentsii v russkoy literature pervoy treti XX v. [E. Zamyatin's "Synthetism" and the syncretic tendencies in Russian literature of the first third of the 20 century]. *Vestnik BGU – The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 2, pp. 161–167. (In Russian).
3. Lyubimova M.Y. Filosofskiye vzglyady i kul'turologicheskiye vozzreniya E. Zamyatina [Philosophical and cultural views of E. Zamyatin]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 207–264. (In Russian).
4. Khatyamova M.A. Kontseptsiya sintetizma E.I. Zamyatina [E.I. Zamyatin's concept of Synthetism]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 6, pp. 38–45. (In Russian).
5. Robustova V.V. Kognitivno-funktsional'nyye osobennosti onomastikona romana E.I. Zamyatina «Мы» [Cognitive and Functional Features of the Onomasticon of E.I. Zamyatin's novel "We"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2016, no. 3, pp. 82–95. (In Russian).
6. Gredel V.P. Kontsept «nauka i iskusstvo» v khudozhestvenno-diskursionnom pole kommunikativno-sintaksicheskoy struktury romana E.I. Zamyatina «Мы» [A 'science and art' concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, no. 14, pp. 44–53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53>. (In Russian).
7. Ilyenko S.G., Gredel V.P. Kommunikativno-sintaksicheskii aspekt analiza romana E.I. Zamyatina «Мы» v svete sovremennykh tendentsiy rusistiki [Communicative-syntactical aspect of Zamyatin's "We" analysis in the light of modern Russian studies]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2017, no. 186, pp. 5–12. (In Russian).

8. Stepanova A.A. Apollonicheskoye/dionisiyskoye kak faustovskaya antinomiya v romane Evgeniya Zamyatina «Мы» [Apollonian/dionysian as Faustian antinomy in Y. Zamyatin's novel "We"]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya – Ural Philological Herald. Series Russian Literature of XX–XXI Centuries: Directions and Trends*, 2016, no. 3, pp. 181–191. (In Russian).
9. Andreyeva S.L. «Prezhde oruzhiya – my ispytyvayem slovo». Tekstovyye markery neogranichennoy lzhi i ogranichennoy pravdy v gosudarstvennoy gazete (po stranitsam romana E. Zamyatina «Мы») [“Before Weapons, We Test the Word.” Text Markers of Unlimited Lies and Limited Truth in the State Newspaper (From the Pages of E. Zamyatin's Novel "We")]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2016, no. 3 (53), pp. 57–65. (In Russian).
10. Dolgina E.S. Problema formirovaniya lichnosti v ramkakh totalitarnogo gosudarstva na primere antiutopicheskogo proyekta «Мы» E.I. Zamyatina [Personality's formation problem in the frames of totalitarian state. On the example of anti-utopian project "We" by E.I. Zamyatin]. *Diskussiya – Discussion*, 2016, no. 10 (73), pp. 116–122. (In Russian).
11. Khatyamova M.A. Iskustvo kak dolzhnoye v romane E. Zamyatina «Мы» [Art for granted in E. Zamyatin's novel "We"]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. Vyp. 8* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue. Issue 8]. Tomsk, TSU Publ., 2006, pp. 7–26. (In Russian).
12. Morson G. Granitsy zhanra [Genre boundaries]. *Utopiya i utopicheskoy myshleniye* [Utopia and Utopian Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 233–251. (In Russian).
13. Khatyamova M.A. Metatekstovaya struktura romana E. Zamyatina «Мы» [The metatext structure of E. Zamyatin's novel "We"]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 500–518. (In Russian).
14. Sukhikh I.N. Utopiya i vera vechnogo eretika (1920. «Мы» E. Zamyatina) [Utopia and faith of the eternal heretic (1920. "We" by E. Zamyatin)]. *Russkiy kanon: Knigi XX veka* [The Russian Canon: Books of the 20th Century]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2019, pp. 83–112. (In Russian).
15. Davydova T.T. «Мы» E. Zamyatina – roman-antiutopiya [E. Zamyatin's "We" – a dystopian novel]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 380–403. (In Russian).
16. Forster E.M. *Aspects of the Novel*. New York, Harcourt, Inc. Publ., 1985, 176 p.
17. Shaytanov I.O. Anatomiya utopii: roman «Мы» v tvorchestve i sud'be E. Zamyatina [The anatomy of utopia: the novel "We" in the work and fate of E. Zamyatin]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 341–379. (In Russian).
18. Zhenett Z. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vol.]. Moscow, Sabashnikov Publ., 1998, vol. 2, 471 p. (In Russian).
19. Booth W.C. *The Rhetoric of Fiction. Second Edition*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1983, 572 p.
20. Tumanov V. Mary Versus Eve: Paternal Uncertainty and the Christian View of Women. *Neophilologus*, 2011, no. 4, pp. 507–521.
21. Tang H. *Feminist Literary Theory*. Taipei, Yangzhi Culture, 2003, 328 p. (In Chinese).
22. Iglton T. *Teoriya literatury: Vvedeniye* [Literary Theory: Introduction]. Moscow, "Territory of the future" Publishing House, 2010, 296 p. (In Russian).
23. Lanin B., McMillin A. Images of Women in Russian Anti-Utopian Literature. *The Slavonic and East European Review*, 1993, no. 4, pp. 646–655.

Информация об авторе

Ван Хунюань, аспирант, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, cnhywang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

Вклад в статью: концепция исследования, анализ художественного текста, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 03.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 19.06.2021
Принята к публикации 24.06.2021

Information about the author

Hongyuan Wang, Post-Graduate Student, History of Russian Literature Department, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, cnhywang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

Contribution: study conception, literary text analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 03.01.2021
Approved after reviewing and revision 19.06.2021
Accepted for publication 24.06.2021